

Сергей Образцов и его театр кукол

Первая кукла, созданная Сергеем Образцовым в 1920 году, являлась плодом случайности.

Был он в то время студентом Высших художественно-театральных мастерских и, как многие его сотоварищи, рисовал плакаты, делал всевозможные макеты и модели. И вот вспомнил он в этот период веселую игрушку своего детства—куклу Биба-бо и попробовал сделать такую же на продажу. Так возник негритенок с вертикальными вытаращенными глазами, в клетчатом халатике с белым воротничком.

В школе пения на Мясницкой улице, куда вскоре поступил Образцов, поручили ему спеть романс Чайковского «Средь шумного бала». И так как преподаватели не совсем удовлетворяло то, что делал студент, его стали обучать петь этот романс «по системе Станиславского».

Имея, повидимому, об этой системе очень поверхностное представление, преподаватель требовал, чтобы Образцов вспомнил какой-либо случай из своей жизни, аналогичный ситуации романса, чтобы он вообразил себя самого на балу влюбленным в прекрасную девушку и об этой своей влюбленности — через романс — рассказал присутствующим.

Делать это студенту было стыдно. Он считал, что влюбленность — сугубо личное переживание, о котором нельзя говорить публично. Другое дело—рассказать о влюбленности своего героя: за него не может быть стыдно.

Вывезла кукла-негритенок. Образцов заставил ее петь «по системе», то-есть сосредоточиться, как этого требовал преподаватель, набраться ощущений влюбленного, потом тихонько, чтобы не вспугнуть в себе собранного чувства, махнуть рукой пиянистке (дескать, можно начинать) и петь «с переживаниями».

На следующем уроке студент заявил преподавателю, что у него не получается романс «по системе», а у негра получается. Тут он стал показывать свою куклу. При первом же жесте негра раздался хохот. Хохотали и ученики и преподаватель. Так кукла-негритенок в руках Образцова стала актером.

По мере того, как Образцов осознал исключительные художественные возможности, заложенные в кукле, шутка, которая положила начало его деятельности, становилась все более серьезной.

Не имея профессиональных навыков, Образцов ищет своих путей, своих методов работы с куклами. Он приобретает и сам мастерит из тряпок и чулок стариков со смешными шевелюрами, голубых дам, буржуев и множество самого разнообразного зверья. Идет старые романсы вроде «Минуточка», «Я помню день — да, это было счастье!» и другие им подобные, вышучивая слащавую их сентиментальность.

Присматриваясь к эстрадным концертам, в которых ему все чаще приходилось выступать, артист не мог не заметить ложного пафоса, надуманности и вымученности образов, которые зачастую несли эстрада. Ему претили плохие романсы. Ему смешна была дурная манера некоторых певцов держаться на сцене. Он возмущался псевдоцыганщиной.

Безобидная шутка от этого становилась

все более злой. Куклы Образцова объявляли борьбу эстрадной пошлятине. Беспощадно высмеивали они все, что, громко именуюсь искусством, не имело к нему никакого отношения.

Выступления Образцова, получившие большую остроту и глубокий смысл, приобрели огромную популярность. Их полюбили, их ждали. Правда, вместе с друзьями у артиста появились и враги. Но чем больше сопротивления встречал он на своем пути, тем больше убеждался, что делает настоящее, полезное, нужное дело.

В репертуар были включены романс Даргомыжского «Титулярный советник» и песенка Корчмарева «Про дьяка». Здесь артист ставит перед собой уже более сложные задачи. Персонажи романса и песенки (чиновник, генеральская дочь, дьячок) дают ему повод для осмеяния старой царской России и ее «героев». Получается яркая, злая сатира.

Ту же линию на осмеяние всего глупого, тупого, вредного, но встречающегося и в наши дни, Образцов прекрасно продолжил в представлении куклы-«докладчика».

Когда Образцов выступает один, все его театральное имущество заключается в невысокой ширме и в небольшом чемодане. С этими несложными атрибутами его легко можно встретить и на борту боевого корабля, и на концерте для летчиков, и на эстраде, и в рабочем клубе, и в красноармейской казарме. И где бы он ни появлялся, в любой аудитории его встречают с любовью и признательностью за смех, за радость, за искусство, которое он дарит зрителям.

Когда в 1930 году был организован Государственный центральный театр кукол, Образцову предложили стать его художественным руководителем.

Пьесы, которые хорошо могут играть люди, часто плохи для кукол. Надо было искать свои, «кукольные» пьесы. Этими поисками и занялся Образцов вместе со всем коллективом актеров и авторами. Следя своему обыкновению, он и здесь искал и находил то дурное и уродливое, что подлежит осмеянию, то радостное и живое, что должно родить веселый смех.

У артистов родилась мысль о необыкновенном театральном турне. Вспомнилось звонкое, шумное искусство народного «Петрушки» и захотелось пойти с куклами в жизнь по тем же путям, по которым шел в свое время «Петрушка», преследуемый и изгоняемый городовыми и дворянами. В ярко-раскрашенном, разрисованном фургоне поехали они по московским дворам.

Со своим раскрашенным фургоном артисты кукольного театра мечтают как-нибудь отправиться в большой «театральный пробег». Они мечтают организовать «театр-баржу» и отчалить на ней от Московского речного вокзала на юг, хотя бы до Астрахани. Или на север, хотя бы до Белого моря. Останавливаться под каждым городом, под каждым большим селом. Днем играть для ребят, вечером — для взрослых.

По следам старого русского «Петрушки» они хотят пойти с новыми советскими куклами, с новым репертуаром, неся смех и радость всюду, куда бы они ни приехали.

Ал. МОРОВ.

Сергей Образцов и его театр кукол

Первая кукла, созданная Сергеем Образцовым в 1920 году, являлась плодом случайности.

Был он в то время студентом Высших художественно-театральных мастерских и, как многие его сотоварищи, рисовал плакаты, делал всевозможные макеты и модели. И вот вспомнил он в этот период веселую игрушку своего детства—куклу Биба-бо и попробовал сделать такую же на продажу. Так возник негритенок с вертикальными вытаращенными глазами, в клетчатом халатике с белым воротничком.

В школе пения на Мясницкой улице, куда вскоре поступил Образцов, поручили ему спеть романс Чайковского «Средь шумного бала». И так как преподавателя не совсем удовлетворяло то, что делал студент, его стали обучать петь этот романс «по системе Станиславского».

Имея, повидимому, об этой системе очень поверхностное представление, преподаватель требовал, чтобы Образцов вспомнил какой-либо случай из своей жизни, аналогичный ситуации романса, чтобы он вообразил себя самого на баду влюбленным в прекрасную девушку и об этой своей влюбленности — через романс — рассказал присутствующим.

Делать это студенту было стыдно. Он считал, что влюбленность — сугубо личное переживание, о котором нельзя говорить публике. Другое дело—рассказать о влюбленности своего героя: за него не может быть стыдно.

Вывезла кукла-негритенок. Образцов заставил ее петь «по системе», то-есть сосредоточиться, как этого требовал преподаватель, набраться ощущений влюбленного, потом тихонько, чтобы не вснугнуть в себе собранного чувства, махнуть рукой пиянистке (дескать, можно начинать) и петь как переживаниями.

На следующем уроке студент заявил преподавателю, что у него не получается романс «по системе», а у негра получается. Тут он стал показывать свою куклу. При первом же жесте негра раздался хохот. Хохотали и ученики и преподаватель. Так кукла-негритенок в руках Образцова стала актером.

По мере того, как Образцов осознал исключительные художественные возможности, заложенные в кукле, шутка, которая положила начало его деятельности, становилась все более серьезной.

Не имея профессиональных навыков, Образцов ищет своих путей, своих методов работы с куклами. Он приобретает и сам мастерит из тряпок и чулок стариков со смешными шевелюрами, голубых дам, буржуев и множество самого разнообразного зверья. Поет старые романсы вроде «Минуточка», «Я помню день — да, это было счастье!» и другие им подобные, вышучивая слащавую их сентиментальность.

Присматриваясь к эстрадным концертам, в которых ему все чаще приходилось выступать, артист не мог не заметить ложного пафоса, надуманности и вымученности образов, которые зачастую несли эстрада. Ему претили плохие романсы. Ему смешна была дурная манера некоторых певцов держаться на сцене. Он возмущался псевдоцыганщиной.

Безобидная шутка от этого становилась

все более злой. Куклы Образцова объявили борьбу эстрадной пошлятине. Беспощадно высмеивали они все, что, громко именуясь искусством, не имело к нему никакого отношения.

Выступления Образцова, получившие большую остроту и глубокий смысл, приобрели огромную популярность. Их полюбили, их ждали. Правда, вместе с друзьями у артиста появились и враги. Но чем больше сопротивления встречал он на своем пути, тем больше убеждался, что делает настоящее, полезное, нужное дело.

В репертуар были включены романс Даргомыжского «Титулярный советник» и песенка Корчмарева «Про дьяка». Здесь артист ставит перед собой уже более сложные задачи. Персонажи романса и песенки (чиновник, генеральская дочь, дьячок) дают ему повод для осмеяния старой царской России и ее «героев». Получается яркая, злая сатира.

Ту же линию на осмеяние всего глупого, тупого, вредного, но встречающегося и в наши дни, Образцов прекрасно продолжил в представлении куклы-«докладчика».

Когда Образцов выступает один, все его театральное имущество заключается в невысокой ширме и в небольшом чемодане. С этими несложными атрибутами его легко можно встретить и на борту боевого корабля, и на концерте для летчиков, и на эстраде, и в рабочем клубе, и в красноармейской казарме. И где бы он ни появлялся, в любой аудитории его встречают с любовью и признательностью за смех, за радость, за искусство, которое он дарит зрителям.

Когда в 1930 году был организован Государственный центральный театр кукол, Образцову предложили стать его художественным руководителем.

Пьесы, которые хорошо могут играть люди, часто плохи для кукол. Надо было искать свои, «кукольные» пьесы. Этими поисками и занялся Образцов вместе со всем коллективом актеров и авторами. Следуя своему обыкновению, он и здесь искал и находил то дурное и уродливое, что подлежит осмеянию, то радостное и живое, что должно родить веселый смех.

У артистов родилась мысль о необыкновенном театральном турне. Вспомнилось звонкое, шумное искусство народного «Петрушки» и захотелось пойти с куклами в жизнь по тем же путям, по которым шел в свое время «Петрушка», преследуемый и изгоняемый городскими и дворниками. В ярко раскрашенном, разрисованном фургоне поехали они по московским дворам.

Со своим раскрашенным фургоном артисты кукольного театра мечтают как-нибудь отправиться в большой «театральный прогон». Они мечтают организовать «театр-баржу» и отчалить на ней от Московского речного вокзала на юг, хотя бы до Астрахани. Или на север, хотя бы до Белого моря. Останавливаться под каждым городом, под каждым большим селом. Днем играть для ребят, вечером — для взрослых.

По следам старого русского «Петрушки» они хотят пойти с новыми советскими куклами, с новым репертуаром, неся смех и радость всюду, куда бы они ни приехали.

Ал. МОРОВ.